

РАЗСКАЗЪ

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ПУШКИНА КЪ ДАНТЕСУ

Записанъ со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генераль-маіора состоящаго на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. Въ воскресенье 21-го іюня 1887 года.

Павловскъ, дача Краевского.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

РАЗСКАЗЪ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПУШКИНА КЪ ДАНТЕСУ.

Записанъ со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генераль-майора состоящаго на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. Въ воскресенье, 21-го Іюня 1887 года.

Павловскъ, дача Краевскаго.

Князь Трубецкой не былъ «пріятельски» знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и еще болѣе по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу.

Въ 1836-мъ году, лѣтомъ, когда Кавалергардскій полкъ стоялъ въ крестьянскихъ избахъ Новой деревни, князь Трубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденияхъ, вѣрнѣе о своихъ побѣдахъ надъ женскими сердцами.

Это обстоятельство и дало возможность кн. Трубецкому узнать объ истинныхъ, быть можетъ, причинахъ роковой дуэли 27-го января 1837 года.

Трудно предположить вымыселъ со стороны кн. Трубецкаго, почтеннаго семидесятичетырехлѣтняго старца; быть можетъ нѣкоторыя подробности затемнились въ его памяти; другіе же получили нѣсколько иную окраску, но рассказъ его долженъ имѣть въ основаніи своемъ истинное происшествіе.

Кн. Трубецкой въ теченіи многихъ лѣтъ упорно отмалчивался о томъ, какія именно подробности въ отношеніи Пушкина къ Дантесу ему извѣстны. Лишь совершенно случайно удалось выпытать у него этотъ рассказъ, тотчасъ же записывавшійся со словъ его.

Такъ какъ лишь въ печатномъ видѣ рассказъ можетъ получить разъясненія или

опроверженіе, то и явилось необходимость выпустить его въ свѣтъ.

Нежеланіе же распространять его въ массѣ побудило печатать его лишь въ 10-ти экземплярахъ.

«Въ 1834 году императоръ Николай собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и, подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: «Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите какъ пажа» (кавалергарды пополнялись по большей части камеръ-пажами) и прибавилъ по-французски: «Этотъ юноша считаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку; онъ постарается заслужить вашу любовь и я увѣренъ оправдаетъ вашу дружбу». Это и былъ Дантесъ — племянникъ голландскаго посланника Геккерна, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ *chevalier* Дантесомъ. Онъ былъ статень, красивъ; на видъ ему было въ то время лѣтъ 20, много 22 года. Какъ иностранецъ, онъ былъ образованнѣе насъ, пажей, и какъ французъ — остроуменъ, живъ, веселъ. Онъ былъ отличный товарищъ и образцовый офицеръ. И за нимъ водились шалости, но совершенно невинныя и свойственныя молодежи, кромѣ одной, о которой, впрочемъ, мы узнали гораздо позднѣе. Не знаю какъ сказать: онъ ли жилъ съ Геккерномъ, или Геккернъ жилъ съ нимъ... Въ то время въ высшемъ обществѣ было развито бугрство. Судя по тому, что Дантесъ постоянно ухаживалъ за дамами, надо полагать, что въ сношеніяхъ съ Геккерномъ онъ игралъ только пассивную роль. Онъ былъ очень красивъ и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе, а какъ избалованный имп требовательнѣе, если хотите, нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ.

Въ то время Новая деревня была моднымъ мѣстомъ. Мы стояли въ избахъ, эскадронныя ученья производили на той землѣ, гдѣ теперь дачки и садики 1 и 2 линіи Новой деревни. Все высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ. Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ. Онъ ухаживалъ за Наташей, какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «пріударялъ», какъ мы тогда выражались, за нею. Частыя записочки, приносимыя Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значали: въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ хорошо зналъ, что Дантесъ не пріударяетъ за его женою, онъ вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, ему Дантесъ былъ *противенъ* своею манерою нѣсколько нахальною, своимъ языкомъ, менѣе воздержнымъ, чѣмъ слѣдовало съ дамами, какъ полагалъ Пушкинъ. Надо признаться, при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина, это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважаютъ, недостаточно почета оказываютъ; мы конечно боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало передъ нимъ преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ. Быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но, какъ набитая дура, не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у нея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе къ своему ухаживанію. Если-бъ Nathalie не была такъ непроходимо глупа, если бы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ничѣмъ, такъ какъ, въ то время, по крайней мѣрѣ, ничего соб-

ственно и не было, — рукопожатіе, обнима-
нія, поцѣлуи, но не большіе, а это въ наше
время были вещи обыденныя.

Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ
кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пуш-
кинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей
женѣ и не имѣлъ къ тому повода.

Необходимо отдѣлить двѣ фазы въ его
отношеніяхъ къ Дантесу: первая, лѣтняя,
окончившаяся женитьбой Дантеса на Cath-
erine; вторая, осенняя, приведшая къ дуэли.

Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ
случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему
двери своего дома. Легче всего это было
для Nathalie, но та по свойственной ей ду-
рости не знала, какъ взяться за дѣло.
Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду,
Пушкинъ и заставалъ у себя на дачѣ Данте-
са. Такъ было и въ концѣ лѣта 36-го года.
Дантесъ засидѣлся у Наташи; пріѣзжаетъ
Пушкинъ, входитъ въ гостиную, видитъ
Дантеса рядомъ съ женой и, не говоря ни
слова, ни даже обычнаго «bonjour», вы-
ходитъ изъ комнаты; черезъ минуту онъ
является вновь, цѣлуетъ жену, гово-
ря ей, что пора обѣдать, что онъ прого-
лодался, здороваётся съ Дантесомъ и выхо-
дитъ изъ комнаты. «Ну, пора, Дантесъ, ухо-
дите, мнѣ надо идти въ столовую», сказа-
ла Наташа. Они поцѣловались и Дантесъ
вышелъ. Въ передней онъ столкнулся съ
Пушкинымъ, который пристально посмо-
трѣлъ на него, язвительно улыбнулся
и не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и
вошелъ въ ту же дверь, изъ которой толь-
ко что вышелъ Дантесъ.

Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу,
онъ выразилъ мнѣ свое опасеніе, что Пуш-
кинъ затѣваетъ что-то недоброе. «Онъ былъ
сегодня какъ-то особенно страненъ» и
Дантесъ рассказалъ какъ онъ засидѣлся у
Nathalie, какъ та гнала его нѣсколько разъ,
опасаясь, что мужъ опять застанетъ ихъ,
но онъ все медлил и мужъ дѣйствительно
засталъ ихъ вдвоемъ.

— Только-то?

— «Только, но право у Пушкина быть какой-то неприязненный взгляд и в передней онъ даже не простился со мной».

Все это Дантесъ разсказалъ переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ къ своему дядѣ. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что Пушкинская Лиза принесла ему письмо и узнавъ что барина нѣтъ дома, наказывала переслать ему письмо, гдѣ бы онъ ни былъ. На конвертѣ было написано *très pressée*. Съ тѣмъ же денщикомъ было отправлено тотчасъ-же письмо къ Дантесу.

Спустя часъ, быть можетъ съ небольшимъ, входитъ Дантесъ. Я его не узналъ, на немъ лица не было. «Что случилось?» — «Мои предсказанья сбылись. Прочти». Я вынулъ изъ конверта съ надписью *très pressée*, небольшую записочку, въ которой Nathalie извѣщаетъ Дантеса, что она передавала мужу, какъ Дантесъ просилъ руки ея сестры Кати, что мужъ съ своей стороны тоже согласенъ на этотъ бракъ. Записочка была составлена по-французски, но отличалась отъ прежнихъ, не только *vous* вмѣсто *tu*, но и вообще слогомъ вовсе не женскимъ и не дамскимъ *billets doux*.

— Что все это значить?

— «Ничего не понимаю! Ни чьей руки я не просилъ».

Стали мы обсуждать, совѣтоваться и порѣшили, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать *démenti* словамъ Наташи до разъясненія казуса.

— «Во всякомъ случаѣ Cathérine мнѣ нравится и если я и не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ».

На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города и увидѣвъ въ гостиной жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ; тамъ онъ намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дан-

тесомъ и ушелъ, говоря что пора объѣдать. Вслѣдъ за тѣмъ и Дантесъ простился съ Nathalie, при чемъ они поцѣловались и, конечно, сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который очевидно поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку,—это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажи на губахъ Дантеса.

Взбѣшенный Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie не знала, что отвѣчать и, застигнутая въ распλοхъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нея руки Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что поставила свое согласіе въ зависимости отъ рѣшенія Пушкина. Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина, была написана Наташей та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса и меня.

Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Екатериной Николаевной Гончаровой,

Этимъ оканчивается первая фаза. Бракъ все прикрылъ и все примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ какъ родной, онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ не выражался объ немъ иначе какъ въ самыхъ дружественныхъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ.

Откуда же дуэль? Чѣмъ вызвана ссора? Гдѣ безчестіе, смываемое только кровью?

Это уже вторая фаза. Обстоятельства, вызвавшія вновь ссору и окончившіеся дуэлью, до сихъ поръ никѣмъ еще не разъяснены. Объ **нихъ** въ печати вообще не упоминается, быть можетъ потому, что они **набрасываютъ тѣнь** на человѣка, имя котораго **такъ** дорого каждому изъ насъ русскихъ; быть можетъ однако и потому еще, что они были извѣстны очень не многимъ. Не такъ давно въ Одессѣ умерла Полетика (Полетыка), съ которой я **часто** вспоминалъ

этотъ эпизодъ и онъ совершенно свѣжъ въ моей памяти.

Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но и чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть всѣ стихотворенія своего будущаго beau-frère и была влюблена въ него заочно. Вскорѣ послѣ брака, Пушкинъ сошелся съ Alexandrine и жилъ съ нею.

Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнiю. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-жѣ Полетикѣ. Подумайте же, могъ ли Пушкинъ при этихъ условiяхъ ревновать свою жену къ Дантесу. Если Пушкину и не нравились посѣщенiя Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женою, а потому, что посѣщая домъ Пушкиныхъ, Дантесъ встрѣчался съ Alexandrine. Влюбленный въ Alexandrine, Пушкинъ опасался, чтобы блестящiй кавалергардъ не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ виолнѣ успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины и просить ея руки. Вотъ почему, послѣ брака Дантеса съ Катериной, Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески. Повторяю однако связь Пушкина съ Александриною мало кому была извѣстна. Едва ли многимъ извѣстно и слѣдующее обстоятельство, довольно повидимому ничтожное, но въ концѣ-концовъ отнявшее у насъ Пушкина. Вскорѣ послѣ брака въ октябрѣ или ноябрѣ Дантесъ съ молодой женой задумали отправиться за границу къ роднымъ мужа. Въ то время сборы за границу были нѣсколько продолжительнѣе нынѣшнихъ и во время этихъ-то сборовъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, оказалось, что съ ними собирается ѣхать и Alexandrine. Вотъ что окончательно взорвало Пушкина и онъ рѣшился во чтобы бы то ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду.

Онъ опять сталъ предираться къ Дантесу, началъ повсюду бранить его, намекая на его ухаживанья, но не за Александриною, о чемъ онъ долженъ былъ прималчивать, а за Nathalie. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ дѣйствительно невыносимъ. Какъ теперь помню: на святкахъ былъ балъ, у португальскаго, если память не измѣняетъ, посланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевского моста. Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ яримъ охотникомъ и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то кишсакъ. Вошелъ Пушкинъ. — «Вы зачѣмъ здѣсь? — Кавалергарду, да еще не женатому, здѣсь не мѣсто. Вы видите» — онъ указалъ на рога — «эта комната для женатыхъ, для мужей, для нашего брата». «Полноте, Пушкинъ, вы и на балѣ притащили свою жолчь; вотъ ужъ ей здѣсь не мѣсто». Вслѣдъ за этимъ онъ началъ бранить всѣхъ и вся, между прочимъ Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцевальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie.

Пушкинъ все настойчивѣе искалъ случая поссориться съ Дантесомъ, чтобы помѣшать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи — между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin, стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ ней какъ къ шуткѣ, быть можетъ заклеимилъ бы ее эпитафией. Но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по своему.

Письмо Пушкина къ Геккерну и подробности дуэли Пушкина съ племянникомъ Геккерна, Дантесомъ, всѣмъ извѣстны.